

Артур Конан Дойл

Отравленный пояс

Перевод с английского
Надежды Вольпин

ФТМ

Профессор Челленджер

Артур Дойл
Отравленный пояс

«ФТМ»

1913

Дойл А. К.

Отравленный пояс / А. К. Дойл — «ФТМ», 1913 — (Профессор Челленджер)

Повесть «Отравленный пояс» является продолжением знаменитого романа «Затерянный мир». Профессор Челленджер объявляет своим друзьям о новом открытии: Земле грозит неминуемая катастрофа! Скоро всё живое на планете погубит отравленный эфир. Нужно что-то предпринять для спасения миллиардов жизней, и как можно скорее...

© Дойл А. К., 1913
© ФТМ, 1913

Содержание

Глава I	5
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Артур Конан Доил

Отравленный пояс

Глава I

Линии помутнели

Да, я обязан теперь же, пока события еще свежи в моей памяти, изложить их с той точностью деталей, которую время может затемнить. Но, приступая к исполнению своего настоящего долга, я в изумлении останавливаюсь перед тем чудесным фактом, что именно нам четверым, героям «Затерянного мира» – профессору Челленджеру, профессору Саммерли, лорду Джону Рокстону и мне, – довелось пережить это удивительное приключение.

Несколько лет тому назад, когда я печатал в «Дейли-газетт» отчет о нашем эпохальном путешествии в Южную Америку, я никак не думал, что мне когда-нибудь выпадет на долю рассказать по личному опыту о еще более странном событии, единственном в летописях человечества, о событии, которое будет стоять в памяти истории как некая великая вершина среди скромных соседних холмов. Само по себе событие будет всегда казаться чудом, но обстоятельства, которые свели вместе нас четверых ко времени этого необычного происшествия, складывались самым естественным образом. Постараюсь рассказать о них как можно короче и ясней, хотя я и понимаю, что в данном случае читатель был бы рад каждой лишней подробности, потому что любопытство людское поистине ненасытно – было, есть и будет.

В пятницу, двадцать седьмого августа – навеки памятная дата мировой истории, – я зашел в редакцию своей газеты и попросил мистера Мак-Ардла, который и по сей день ведет у нас отдел «Последних новостей», дать мне трехдневный отпуск. Добрый старый шотландец покачал головой, поскреб чухлую рыжую бородку и облек наконец свой отказ в такие слова:

– В эти дни, мистер Мелоун, я, напротив, особенно на вас рассчитываю. Видите ли, тут у нас подвернулось такое дельце, что только вы один и можете обделать его как надо.

– Прошу меня извинить, – сказал я, стараясь не выдать разочарования. – Раз я нужен, то, конечно, вопрос исчерпан. Но мне надо съездить по одному очень важному личному делу. Так что если можно меня освободить...

– Боюсь, никак нельзя.

Было очень обидно, но пришлось сделать веселое лицо. В конце концов пенять мне было не на кого, кроме как на себя самого, – уж мне ли не знать, что журналист не вправе располагать собой!

– Значит, из мыслей вон! – сказал я со всей веселостью, какую успел напустить на себя при таком решительном отказе. – Что же вы надумали мне поручить?

– Я хочу послать вас в Ротерфилд взять интервью у этого дьявола во образе человеческого.

– Вы не о профессоре ли Челленджере? – воскликнул я.

– О нем, а то о ком же? На той неделе к нему явился Алек Симпсон из «Курьера», так он схватил беднягу одной рукой за шиворот, другой за штанину и волочил его таким манером целую милю по большой дороге. Можете почитать об этом в полицейском протоколе. Наши ребята скорее сунутся брать интервью у сбежавшего из клетки крокодила. Но на вас я смело могу рассчитывать: вы же с ним старые друзья.

Я вздохнул с облегчением.

– Отлично, – сказал я. – Все разрешилось само собой. Ведь я для того и просил у вас отпуск, чтобы съездить в Ротерфилд к профессору Челленджеру. Сегодня третья годовщина нашего главного приключения там, в горах, вот он и пригласил к себе всех участников отпраздновать с ним этот день.

– Великолепно! – воскликнул Мак-Ардл, потирая руки, и его глаза просияли за стеклами очков. – Значит, вам нетрудно будет выведать, что он думает на самом деле. Заяви это не он, а кто другой, я сказал бы, что это бред сумасшедшего, но профессор уже однажды показал себя, так что – кто знает? – может быть, он все-таки прав.

– Что же надо у него выведать? – спросил я. – Чем он занимался последнее время?

– А вы не читали сегодня в «Таймсе» его письмо под названием «Предвидения науки»?

– Нет.

Мак-Ардл нырнул под стол и поднял с пола газету.

– Прочтите вслух, – сказал он, указывая пальцем столбец. – Я охотно послушаю лишний раз, а то я не совсем уверен, что правильно понял.

Вот что я прочел редактору отдела «Последних новостей» нашей «Дейли-газетт».

ПРЕДВИДЕНИЯ НАУКИ

– «Сэр! С любопытством, не свободным от примеси некоторых менее лестных чувств, прочел я появившуюся недавно на столбцах вашей газеты самодовольную и совершенно бессмысленную статью Джеймса Уилсона Мак-Фэйла по поводу помутнения фраунгоферовых линий в спектрах как планет, так и неподвижных звезд. Автор статьи отмахивается от этого обстоятельства как от чего-то незначительного. Но более широкому уму оно должно представиться явлением чрезвычайно важным, возможно, несущим гибель всем и каждому человеку на нашей планете. Вряд ли я могу надеяться, что если прибегну к языку науки, меня хоть сколько-нибудь поймут те безмозглые люди, которые черпают свои представления со столбцов газет. Поэтому я попытаюсь снизить к их ограниченному кругозору и обрисовать положение посредством простой аналогии, которая не выходила бы за пределы понимания ваших читателей».

– Не человек, а чудо – живое чудо! – сказал Мак-Ардл и задумчиво покачал головой. – Он, кажется, способен взбесить голубенка, перессорить квакеров на молитвенном собрании! Не удивительно, что Лондон к нему нетерпим. А жаль, мистер Мелоун, такой великий ум! Послушаем, однако, его аналогию.

– «Вообразим, – читал я дальше, – что маленькая связка пробок, подхваченная ленивым течением, совершает плавание по Атлантическому океану. Пробки день за днем тихо плывут в одних и тех же условиях окружающей среды. Нам нетрудно представить себе, что эти пробки, будь они наделены способностью мышления, считали бы эти условия надежными и неизменными. Но мы-то, обладая более широкими познаниями, понимаем, что с пробками может случиться много такого, что их весьма удивило бы. Они могут натолкнуться на корабль или на сонного кита, могут запутаться в водорослях. А нет, так их плавание кончится, вероятно, тем, что их выбросит прибоем на скалистый берег Лабрадора. Но что они знают обо всем этом, пока мирно изо дня в день плывут по океану, который они полагают безграничным и однородным?»

Ваши читатели, может быть, сообразят, что под Атлантикой в моем иносказании разумеется тот могучий океан эфира, по которому мы плывем, а связка пробок изображает маленькую, безвестную планетную систему, к которой мы принадлежим. Третьеразрядное солнце с горсткой увязавшихся за ним ничтожных спутников, мы несемся в тех же повседневных условиях к неведомому концу, к жалкой катастрофе, которая настигнет нас у последних пределов пространства, где нас сметет в какую-нибудь эфирную Ниагару или выкинет на какой-нибудь немислимый Лабрадор. Я здесь не вижу места для плоского и невежественного оптимизма вашего корреспондента мистера Джеймса Уилсона Мак-Фэйла и, напротив, вижу достаточно оснований с самым напряженным и заинтересованным вниманием следить за всяким показателем перемены в нашем космическом окружении, от которой, возможно, зависит и наша конечная судьба».

– Ого! Из него вышел бы знаменитый проповедник! – сказал Мак-Арлл. – Гремит, как орган. Посмотрим-ка дальше, что там его смущает.

– «Общее помутнение и сдвиги фраунгоферовых линий спектра указывают, по моему мнению, на космическую перемену широкого охвата и очень тонкого и необычного свойства. Свет планеты является лишь отраженным светом солнца. Однако в данном случае спектры и планет и звезд – все претерпели одинаковое изменение. Можно ли допустить, что произошла перемена в самих планетах и звездах? Для меня такая мысль неприемлема. Какое общее изменение могло произойти одновременно во всех небесных телах? Допустим, перемена произошла в нашей земной атмосфере. Это возможно, но до крайности невероятно, поскольку мы не наблюдаем вокруг себя никаких признаков чего-либо подобного, да и химический анализ также ничего не обнаруживает. Есть ли третья возможность? Да, есть: перемена в проводящей среде, в том бесконечно тонком эфире, что простирается от звезды к звезде и пронизывает всю вселенную. В глубинах этого океана нас несет тихое течение. Разве не может течение увлечь нас в новые пояса эфира, обладающие свойствами, каких мы до сих пор себе не представляли? Где-то произошла перемена. О том свидетельствуют нарушения в спектрах всех небесных тел. Перемена может оказаться доброй. Может оказаться дурной. Может оказаться и нейтральной. Мы не знаем. Наивные наблюдатели думают, что происходит нечто, чем спокойно можно пренебречь; но кто, подобно мне, наделен более глубоким прозрением истинного мыслителя, тот понимает, что вселенная таит непостижимые возможности и что среди людей мудрейший тот, кто всегда готов к неожиданному. Чтобы не ходить далеко за примером: кто, спрошу я, посмел бы утверждать, что вспышка загадочной эпидемии среди туземцев Суматры, отмеченная сегодня в утреннем выпуске вашей газеты, не стоит ни в какой связи с некими космическими переменами, к влиянию которых жители Суматры оказались более восприимчивы, нежели народы Европы с их более сложной культурой? Я не склонен переоценивать свою идею. Настаивать на таком объяснении было бы сейчас столь же бессмысленно, как и отвергать его, но только самый узколобый дурак в своей непрошибаемой тупости не поймет, что оно лежит в пределах научного предвидения.

Преданный вам Джордж Эдуард Челленджер. Ротерфилд,
„Терновник“».

– Превосходное, очень обнадеживающее письмо! – сказал Мак-Арлл с видом глубокой задумчивости и принялся вправлять сигарету в длинную стеклянную трубку, заменявшую ему мундштук. – Ваше мнение, мистер Мелоун?

Пришлось признаться в своем позорном невежестве: предмет спора мне совершенно незнаком; что такое, например, фраунгоферовы линии? Мак-Арлл, сам лишь недавно приступивший к изучению вопроса под руководством нашего доморощенного редакционного физика, достал из ящика две разноцветные спектральные таблицы, как нельзя больше похожие на кокарды какого-нибудь новоиспеченного и тщеславного крикетного клуба. Он разъяснил мне, что на спектрах видны черные полосы, рассекающие яркий ряд тонов, постепенно переходящих от красного на одном конце – через все оттенки оранжевого, желтого, зеленого, голубого и синего – в фиолетовый на другом.

– Эти темные полосы называются фраунгоферовыми линиями, – сказал Мак-Арлл. – Цветное – это самый свет. Свет – любой – если его преломить через призму, дает одни и те же цвета. Они нам ничего не говорят. В счет идут только черные линии, потому что они меняются в зависимости от того, что является источником света. За последнюю неделю эти линии из четких стали мутными, и астрономы завели спор, давая каждый свое объяснение. Вот фотоснимок помутневших линий для нашего завтрашнего выпуска. Публика пока не проявляла к ним особенного интереса, но, я думаю, письмо Челленджера в «Таймсе» должно ее всполошить.

– А при чем тут Суматра?

– Конечно, какая связь между помутневшей линией в спектре и большим туземцем на Суматре? Однако этот молодчик уже однажды доказал нам, что он не любит бросать слова на ветер. Там свирепствует какая-то странная болезнь, это вполне достоверно; а сегодня из Сингапура сообщают, что на берегах Зондского пролива выбыли из строя маяки, вследствие чего два парохода сели на мель. Во всяком случае, хорошо бы вам порасспросить Челленджера. Если добьетесь от него чего-нибудь определенного, дайте нам подвальчик к понедельнику.

Выходя из редакторского кабинета, я обдумывал свое новое задание, когда внизу в приемной громко прозвучало мое имя. Почтальон принес телеграмму, пересланную в редакцию из моей квартиры в Стритеме. Телеграмма была от того самого человека, о котором только что шла у нас речь, и гласила следующее:

«Стритем, Хилл-стрит, 17. Мелоуну. Привезите кислород.
Челленджер».

«Привезите кислород!» Профессор, насколько я помнил, обладал слоновым чувством юмора, проявлявшимся порой в несуразных дурачествах. Может быть, эта телеграмма – одна из тех тяжеловесных шуток профессора, которые ввергали его самого в припадок буйного смеха, когда глаза исчезают и лицо превращается в сплошной разинутый рот и трясущуюся бороду; причем его нисколько не смущало, что никто вокруг не смеется. Я снова и снова перебирал слова телеграммы, но не находил в них ничего, хотя бы отдаленно похожего на шутку. Нет, они звучали как четкое распоряжение, хотя и очень странное. Челленджер был для меня тем самым человеком, чьим прямым приказом я никак не захотел бы пренебречь. Может быть, он подготовлял какой-нибудь химический опыт, может быть... Но не мое это дело рассуждать о том, зачем профессору понадобился кислород. Он требует – я должен это достать. До отхода поезда с вокзала «Виктория» у меня оставалось около часа времени. Я взял такси и, разыскав в телефонной книжке адрес, отправился на Оксфорд-стрит, в «Бюро поставки кислорода».

Когда я остановился на тротуаре у входа в Бюро, из подъезда вышли два молодых человека. Они тащили металлический баллон и не без труда погрузили его на ожидавший тут же автомобиль. За ними семенил пожилой господин, который поругивал их скрипучим, язвительным голосом и давал свои указания. Он обернулся ко мне. Нельзя было не узнать это постное лицо и козлиную бородку. Передо мной стоял мой старый товарищ по путешествию, вечный спорщик, профессор Саммерли.

– Как! – воскликнул он. – Вы скажете, что и вы получили дурацкий заказ на кислород? Я показал телеграмму.

– Ну и ну! Я получил такую же и, как видите, наперекор здравому смыслу исполняю поручение. Наш милый друг, как всегда, ведет себя самым недопустимым образом! Не мог же человеку так безотлагательно потребоваться кислород, чтобы надо было отказаться от общепринятых способов покупки и отнимать время у деловых людей, занятых не менее, чем он. Почему он не заказал прямо в конторе?

Я робко высказал предположение, что профессор, вероятно, нуждается в кислороде немедленно.

– Или вообразил, что нуждается, а это не совсем одно и то же! Но вам теперь ни к чему покупать баллон, раз я везу достаточный запас.

– Однако профессор по каким-то причинам желает, по-видимому, чтобы я тоже привез кислород. Спокойней будет исполнить его просьбу в точности.

Итак, невзирая на воркотню и попреки Саммерли, я купил еще один баллон, который погрузили в автомобиль рядом с первым, так как Саммерли предложил подвезти меня на вокзал в своей машине.

Я отошел, чтоб отпустить такси, и водитель, почтя себя обиженным, долго со мной пререкался из-за оплаты. Когда я вернулся к Саммерли, профессор вел яростную перепалку с грузчиками, тащившими кислород, причем его белая козлиная бородка дергалась от негодования. Помнится, один из грузчиков обозвал его «безмозглым старым попугаем»; тогда профессорский шофер в бешенстве выскочил из кабины, чтобы вступить за честь своего хозяина, и нам едва удалось избежать уличного скандала.

Эти мелочи покажутся, пожалуй, слишком обыденными, чтобы стоило на них останавливаться, и в то время они так и прошли как пустяковые инциденты. Только теперь, оглядываясь на прошлое, я понимаю их связь со всем, о чем я должен рассказать.

Был ли шофер новичком, как мне показалось, или его разволновала ссора, но только вез он нас на вокзал из рук вон плохо. Мы дважды едва не столкнулись со встречными такими же взбесившимися авто, и, помню, я сказал профессору, что искусство водителей в Лондоне заметно снизилось против обычной нормы. Один раз мы врезались в большую толпу, следившую за дракой на углу Пэл-Мэл. Поднялся крик, возбужденные зрелищем люди злобно орали на неумелого шофера, а какой-то господин вскочил к нам на подножку и замахнулся на нас тростью. Я спихнул его, но мы были куда как рады, когда избавились от преследователей и благополучно выбрались оттуда. Следуя одна за другой, эти мелкие неприятности взвинтили мне нервы, и по раздерганым движениям моего спутника я видел, что и его терпение истощено.

Но к нам сразу вернулось доброе расположение духа, как только мы увидели маячившую на перроне высокую и худощавую фигуру лорда Джона Рокстона, облаченную все в тот же темно-желтый, добротной шерсти охотничий костюм. Резкое лицо нашего друга с яростными и добродушно-насмешливыми глазами загорелось радостью при нашем появлении. В его рыжих волосах уже пробивалась седина, и резец времени углубил морщины на его лбу, но в остальном он показался мне прежним лордом Джоном, добрым товарищем наших прошлых дней.

– Здравствуйте, герр профессор. Здравствуйте, здравствуйте, мой юный друг! – кричал он, идя нам навстречу.

Увидев, что носильщик везет за нами на тележке два баллона с кислородом, он буйно расхохотался.

– Ага! Вы тоже с багажом! Мой уже в вагоне. Что он затевает, наш чудак?

– Вы читали в «Таймсе» его письмо? – спросил я.

– Какое письмо?

– Чушь и дичь! – прошипел Саммерли.

– Однако, если я хоть что-нибудь смыслю, – заметил я, – заказ на кислород стоит в прямой связи с этим письмом.

– Чушь и дичь! – снова закричал Саммерли с совершенно неоправданной яростью.

Мы все трое вошли в вагон первого класса для курящих, и профессор уже раскурил свою коротенькую обгорелую старую трубку из корня шиповника, которая, казалось, вот-вот опалит кончик его длинного воинственного носа.

– Наш Челленджер – умный человек, – заговорил он с большим напором. – Этого никто не станет отрицать. Надо быть остолопом, чтобы отрицать! Посмотреть только на его шляпу! Она вмещает шестьдесят унций мозга – огромную машину, легкую на ходу, чистую в работе. Покажите мне гараж, и я вам определю размер машины! Но он прирожденный шарлатан – вы сами слышали, я не раз говорил ему это в лицо, – прирожденный шарлатан, фокусник, который с театральным жестом выскакивает к рампе! Сейчас затишье, так вот наш друг Челленджер обрадовался случаю заставить публику поговорить о нем. Уж не думаете ли вы, что он верит сам в эту чушь об изменениях в эфире и об угрозе роду человеческому? Басня, такого еще в жизни не бывало!

Он нахохлился, точно старый, седой ворон, и каркал, трясясь от сардонического смеха.

Я кипел негодованием, слушая Саммерли. Стыд и срам, что он говорит так о нашем предводителе, о том, кому мы обязаны своей славой, кто дал нам пережить такое, чего не изведал ни один человек на земле! Я раскрыл было рот для резкой отповеди, но лорд Джон меня упредил.

– У вас на него зуб, – сказал он строго. – Вы уже раз сцепились со стариком Челленджером, и он в десять секунд положил вас на обе лопатки. По-моему, профессор Саммерли, вам с ним не тягаться. Мой вам совет: идите-ка вы стороной и оставьте его в покое.

– К тому же, – сказал я, – он был хорошим другом каждому из нас. У него могут быть свои недостатки, но он прям, как стрела, и уж он бы, я думаю, никогда не позволил себе дурно говорить о своих товарищах за их спиной.

– Прекрасно сказано, мой мальчик! – промолвил лорд Джон Рокстон. Он добродушно улыбнулся и хлопнул Саммерли по плечу. – Ладно, герр профессор, не будем ссориться с утра. Мы слишком много пережили вместе. Но Челленджера вы лучше не задевайте, потому что мой юный друг и я, мы оба питаем к старику некоторую слабость.

Саммерли, однако, не был расположен к примирению. Его лицо скривилось в неодобрительную гримасу, клубы сердитого дыма вырывались из трубки.

– Позвольте вам заявить, лорд Джон Рокстон, – прокаркал его голос, – что ваши суждения в научных вопросах имеют для меня ровно такую же цену, как для вас мое мнение о каком-нибудь охотничьем ружье новейшего образца. У меня, сударь, своя голова на плечах, и позвольте мне думать по-своему. Если однажды я оказался не прав, отсюда еще не следует, что я должен раз навсегда отказаться от критики и соглашаться с каждым словом Челленджера, какую бы околесицу он ни понес. Неужели нам нужен в науке какой-то папа римский, который будет издавать непогрешимые буллы, чтобы смиренная паства безропотно их принимала! Говорю вам, сударь, с меня довольно моих собственных мозгов, и, если бы я перестал ими пользоваться, я бы чувствовал себя рабом и подхалимом. Если вам угодно верить

всяким благоглупостям об эфире и фраунгоферовых линиях в спектре, верьте, пожалуйста, но не требуйте от человека, который старше и опытней вас, чтобы он разделял ваше недомыслие. Простая очевидность: если бы эфир подвергся таким сильным изменениям, как утверждает ваш Челленджер, и если бы это было так вредно для здоровья, разве это не сказало бы давно на нас самих? – Он разразился шумным, торжествующим смехом, радуясь собственному доводу. – Да, сударь, мы теперь были бы далеки от своей обычной нормы и, вместо того чтобы, сидя в вагоне, спокойно обсуждать научные проблемы, ощущали бы известные симптомы отравления. Где мы видим хоть какие-нибудь признаки грозного космического переворота? Отвечайте, сударь! Отвечайте! Без увиливаний! Ага, вам нечего ответить!

Злоба все сильней накупала во мне. Поведение Саммерли казалось мне обидным и вызывающим.

– Думаю, будь вы лучше осведомлены, вы бы не так уверенно выкладывали свое мнение, – сказал я.

Саммерли вынул трубку изо рта и остановил на мне ледяной взгляд.

– Простите, сударь, что вы хотели сказать этим вашим дерзким замечанием?

– Могу объяснить: когда я уходил из редакции, мне в «Последних новостях» показали телеграмму, которая сообщала, что на Суматре туземцы все поголовно заболели и что по всему Зондскому проливу погасли маяки.

– Но должен же быть предел человеческой глупости! – в бешенстве закричал Саммерли. – Неужто вы не уразумели, что эфир – если даже мы допустим на минуту абсурдную гипотезу Челленджера, – что эфир – это всемирная субстанция, она одна и та же, что здесь у нас, что на другом конце света! Уж не думаете ли вы, что в Англии, например, один эфир, а на Суматре другой? Вы, может быть, воображаете, что в графстве Кент эфир лучшего качества, чем в Суррее, где мы проезжаем сейчас? Легковерию и невежеству рядового человека, чуждого науке, поистине нет границ. Непостижимо! На Суматре эфир так смертоносен, что все население лежит в лежку, в то время как здесь он, по-видимому, не оказывает на нас ни малейшего действия! Лично я, например, никогда в жизни, могу вас уверить, не чувствовал себя физически более крепким или умственно более уравновешенным.

– Возможно. Я не выдаю себя за ученого, – сказал я, – но я слышал где-то, – что научные истины, бесспорные для одного поколения, следующее, как правило, объявляет ложью. Не нужно, однако, большого ума, чтобы сообразить одну простую вещь: мы слишком мало знаем об эфире, и, может быть, в различных частях света он подвержен каким-либо местным влияниям, так что где-нибудь за океаном он производит действие, которое на нас скажется несколько позже.

– Вашими «возможно» и «может быть» вы ничего не докажете! – злобно закричал Саммерли. – И то бывает, что свинья летает. Да, сударь мой, свинья, может стать, и летает, однако этого еще никто не видел! С вами и спорить не стоит. Челленджер забил вам головы своею чепухой, и теперь вы оба не способны здраво рассуждать. Я могу с тем же успехом выкладывать доводы перед пустым купе.

– Должен сказать, что с тех пор, как я имел удовольствие, профессор Саммерли, видеться с вами в последний раз, ваши манеры ничуть не исправились, – строго заметил лорд Джон.

– Вы, аристократишки, не привыкли выслушивать правду, – ответил Саммерли с презрительной усмешкой. – Еще бы! Это не так уж приятно, когда кто-нибудь вдруг дает вам понять, что титул не мешает вам оставаться круглым невеждой!

– Честное слово, сэр, – сказал лорд Джон сдержанно и сухо, – будь вы моложе, я не позволил бы вам говорить со мной таким оскорбительным образом.

Саммерли вскинул голову и затряс козлиной бородкой.

– Могу вам сообщить, сударь мой, что, молодой или старый, я никогда в жизни не боялся высказать свое мнение безграмотному индюку. Да, сэр, я вас называю безграмотным индюком, хотя бы вы носили все титулы, какие только могут придумать рабы, а дураки принять.

Глаза лорда Джона загорелись, однако он героическим усилием подавил вспышку гнева и, скрестив руки на груди, откинулся на спинку дивана; горькая улыбка застыла на его губах. Мне было и страшно и больно. Волной нахлынули воспоминания о нашем былом товариществе, о счастливых днях необычайных приключений, о наших общих трудах, и страданиях, и победах. И вот чем это кончается: оскорблениями и бранью! Я вдруг расплакался – расплакался взахлеб, не в силах сдержать рыдания. Спутники глядели на меня в удивлении. Я закрыл лицо руками.

– Ничего, – проговорил я. – Но только... только мне так обидно!

– Вы больны, мой мальчик, вот в чем дело, – сказал лорд Джон. – Мне с самого начала показалось, что вам не по себе.

– За эти три года вы, сударь мой, не отстали от ваших дурных привычек, – сказал Саммерли и покачал головой. – От меня тоже не ускользнуло при встрече, что вы ведете себя довольно странно. Напрасно вы перед ним расточаетесь в сочувствии, лорд Джон. Это пьяные слезы, и только. Мальчишка просто надрался! Кстати, лорд Джон, я только что назвал вас индюком, что, пожалуй, было слишком крепко сказано. Однако это слово напомнило мне об одном моем скромном даровании, обыденном, но забавном. Вы знаете меня как сурового мужа науки. Поверите ли вы, что некогда я пользовался среди ребятишек заслуженной славой искусного имитатора домашних птиц? Я могу доставить вам приятное развлечение в дороге. Не хотите ли послушать, как я кричу петухом? Это вас, пожалуй, позабавит.

– Нет, сэр, – сказал лорд Джон все еще в сильной обиде. – Меня это ничуть не позабавит.

– Могу изобразить, как квохчет курица, только что снесшая яйцо. Мое исполнение, смею сказать, считалось когда-то незаурядным. Хотите, попробую?

– Нет, сударь, не хочу.

Однако, невзирая на столь решительное возражение, профессор Саммерли отложил свою трубку и до конца поездки развлекал нас – или тщился развлекать, – попеременно изображая голоса всевозможных птиц и животных. Это было до того нелепо, что мои слезы вдруг сменились истерическим хохотом. Я сидел против важного профессора и... и видел его – или, вернее, слышал – то обозлившимся петухом, то щенком, которому наступили на хвост. Лорд Джон передал мне газету, нацарапав карандашом на полях: «Бедняга! Он просто спятил!» Несомненно, профессор проявлял себя большим чудачком, но представление все же показалось мне чрезвычайно остроумным и забавным.

В то же время лорд Джон, наклонившись вперед, рассказывал мне какую-то нескончаемую, крайне бессвязную историю про индийского раджу и буйвола. Профессор Саммерли залился было канарейкой, а лорд Джон добрался в своем рассказе еле-еле до середины, когда поезд подошел к Джервис-Бруку, где нам указано было сойти.

Челленджер встретил нас на станции, чтобы отвезти к себе в Ротерфилд. Он был великолепен. Самый спесивый павлин не мог бы выступать так медлительно и величаво, как наш профессор, когда он торжественно расхаживал по платформе, благосклонно и снисходительно поглядывая на окружающих. С добрых старых времен в нем незаметно было перемены, разве что его характерные черты обозначились еще резче. Его большая голова и широкий лоб с прилипшей к нему прядью черных волос казались еще громадней, чем были. Черная борода рвалась вперед еще более буйным каскадом, а ясные серые глаза с их насмешливым, высокомерным прищуром глядели еще более властно, чем в прежние времена.

Он благодушно пожал мне руку и ободряюще улыбнулся, точно учитель маленькому школьнику; потом поздоровался с моими спутниками, помог им управиться с их багажом и усадил нас всех в большую машину, где разместил также и баллоны с кислородом. Повел машину тот самый Остин, бесстрастный и бессловесный, которого я видел в роли лакея при первой своей памятной поездке к профессору. Дорога, извиваясь, шла в гору по красивой сельской местности. Я сидел впереди, рядом с шофером, а трое спутников за моей спиной, казалось мне, говорили все разом. Лорд Джон все еще продирался сквозь дебри своего рассказа про буйвола, насколько я мог судить, прислушиваясь к густому басу Челленджера и нудному голосу Саммерли, сцепившихся, как встарь, в ожесточенном споре о каких-то высоких материях. Вдруг Остин повернул ко мне свое медно-красное лицо, не отводя, однако, взгляда от баранки.

– Мне дают расчет, – сказал он.

– Неужели? – ответил я.

Сегодня все казалось необычным. Люди говорили дикие, неожиданные вещи. Все было, как во сне.

– В сорок седьмой раз, – добавил, подумав, Остин.

– Когда же вы уйдете? – спросил я, не найдя сказать ничего лучшего.

– Я не уйду, – прозвучало в ответ.

Разговор как будто был исчерпан, но Остин вдруг опять вернулся к нему.

– Если я уйду, кто будет смотреть за ним? – Он кивнул головой на хозяина. – Кто захочет у него служить?

– Кто-нибудь другой, – сказал я неуверенно.

– Другого ему не найти. Никто не проживет и недели. Если я уйду, дом развалится, как часы без главной пружины. Говорю вам это, потому что вы ему друг и должны знать. Я мог бы поймать его на слове, но у меня не хватит духу. Они с хозяйкой останутся, как двое младенцев, подкинутых на чужой порог. Все держится на мне. А он ни с того ни с сего дает мне расчет.

– Почему с ним никто не уживется? – спросил я.

– Никто не будет таким покладистым, как я. Он очень умный человек, мой хозяин, – такой умный, что иной раз у него ум за разум заходит. Я тогда понимаю, что он сошел с катушек, и не обижаюсь зря. Послушайте, что он сделал нынче утром...

– Что?

Остин наклонился ко мне.

– Укусил экономку, – услышал я хриплый шепот.

– У#ку-сил?

– Да, сэр. Укусил в лодыжку. Я видел своими глазами, как она выбежала сломя голову из передней.

– Боже милостивый!

– Это еще что! Знали б вы, что у нас тут творится, сэр! С соседями он со всеми не в ладах. Тут иные говорят, что, как он жил среди чудищ, о которых вы писали, так это для него – для хозяина, значит, – самая подходящая компания. «Дом родной, любезный дом», как поется в песне. Это так соседи говорят. Но я-то прослужил у него десять лет, я к нему привязался, и, заметьте себе, он как-никак великий человек: я почитаю за честь служить у него. Но иногда с ним нужно большое терпение. Вот посмотрите-ка, сэр. Разве это похоже на доброе, старое гостеприимство? Сейчас вы прочтете.

Машина на самом тихом ходу одолевала зигзагами крутой подъем. За поворотом показался прочный глухой забор, и над ним доска с объявлением. Как сказал Остин, прочесть было нетрудно – немногословное, оно само бросалось в глаза:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Посетителей, журналистов и нищих просят не беспокоиться!

Дж. Э. Челленджер.

– Да, никакого, так сказать, добросердечия! – покачивая головой, сказал Остин и покопился на прискорбный плакат. – Как бы это выглядело на рождественской открытке? Извините, сэр, я сейчас наговорил больше, чем за много долгих лет, но сегодня я просто сам не свой, на душе накопело. Пусть он гонит меня, пусть ругает, пока не отсохнет язык, а я вот не уйду, и все! Я его слуга, он мой хозяин, и так оно останется, надеюсь, до конца наших дней.

Мы миновали белые столбы ворот и покатали по широкой аллее, обсаженной кустами альпийской розы. За поворотом возник низкий кирпичный дом с белыми резными ставнями, уютный и красивый. Миссис Челленджер, маленькая, изящная, приветливая, улыбалась нам с крыльца.

– Ну, моя дорогая, – сказал Челленджер, соскочив с подножки, – вот и наши гости. Для нас это ново, не правда ли, – принимать гостей? Соседи с нами не в большой дружбе. Дать им волю – они, я думаю, подсыпали бы нам крысиного яда в хлеб.

– Это ужасно, ужасно! – воскликнула женщина, смеясь сквозь слезы. – Джордж вечно со всеми ссорится. У нас нет кругом ни одного друга.

– Что позволяет мне сосредоточить все внимание на моей несравненной жене, – подхватил Челленджер, обняв ее за талию толстой, короткой рукой. Представьте себе гориллу и газель, и перед вами встанет эта супружеская чета. – Идем скорей, гости устали с дороги, и завтрак будет сейчас очень кстати. Сара вернулась?

Женщина сокрушенно покачала головой, а профессор громко рассмеялся и величественно погладил бороду.

– Остин, – крикнул он шоферу, – когда поставите машину, пожалуйста, помогите хозяйке накрыть на стол! А сейчас, джентльмены, пройдем ко мне в кабинет, так как я хочу безотлагательно сделать вам кое-какие очень важные сообщения.

Глава II

Прилив смерти

Мы проходили через переднюю, когда раздался телефонный звонок, и мы поневоле подслушали реплики профессора Челленджера в последовавшем диалоге. Я говорю «мы», но на сто ярдов вокруг никто не мог бы не услышать этого громового баса, сотрясавшего весь дом. Ответы профессора запечатлелись в моем мозгу.

– Да, да, конечно, это я... да, разумеется, тот самый Челленджер, знаменитый Челленджер, кто же еще?.. Безусловно, отвечаю за каждое слово, иначе я не написал бы... Нет, не удивлюсь... За это говорят все показания... Не позже, как через сутки... Ничем не могу помочь... Очень неприятно, не спорю, но это, полагаю, коснется и людей поважнее вас. Плачь не плачь – конец один. Нет, никак не могу. Придется вам примириться с судьбой... Довольно, сэр. Чепуха! Меня ждут дела поважнее, чем слушать вашу болтовню.

Он с треском повесил трубку и повел нас наверх, в просторную, светлую комнату, служившую ему кабинетом. На большом рабочем столе красного дерева лежало семь или восемь нераспечатанных телеграмм.

– Право, – сказал он, сгребая их, – я начинаю думать, что мог бы сберечь деньги моим корреспондентам, приняв условный телеграфный адрес. Самым уместным был бы, пожалуй, такой: «Ротерфилд. Ною».

Как всегда при своих непонятных шутках, он упал грудью на стол и разразился буйным хохотом. Руки его так тряслись, что он никак не мог распечатать конверт.

– Ною, ха-ха! Ною! – захлебываясь, кричал он, с багровым, как свекла, лицом, в то время как лорд Джон и я сочувственно улыбались, а Саммерли, усмехнувшись неодобрительно, затряс головой, точно козел, страдающий несварением желудка. Еще не совсем совладав со смехом, Челленджер начал наконец вскрывать телеграммы. Мы трое стояли в нише окна и деловито созерцали великолепный вид.

И действительно, было чем полюбоваться. Дорога, петляя, незаметно вывела нас на довольно высокое место, лежавшее, как мы потом узнали, в семистах футах над уровнем моря. Дом Челленджера стоял с самого края на склоне холма, и перед южным его фасадом, там, куда смотрели окна кабинета, тянулся лес вплоть до линии холмов Южного Даунса, мягкими изгибами очертившей горизонт. В ложбине между холмами завеса дыма обозначила местоположение Льюиса. Прямо у наших ног лежала волнистая, поросшая курчавым вереском равнина, пересеченная длинными ярко-зелеными полосами Кроуборовского поля для гольфа, на котором чернели здесь и там фигурки игроков. Чуть южнее, в одном из просветов между перелесками, виднелось полотно железной дороги – магистрали из Лондона в Брайтон. А перед самым домом, у нас под носом, примостился маленький отгороженный дворик, где стоял автомобиль, доставивший нас сюда со станции.

Возглас Челленджера заставил всех обернуться. Он уже прочел все телеграммы и аккуратной стопкой сложил их на столе. Его широкое, грубо высеченное лицо – или та незначительная часть его лица, которую позволяла видеть косматая борода, – все еще пылало краской, он был, очевидно, во власти сильного возбуждения.

– Джентльмены, – начал он громко, как будто на многолюдном митинге, – наше замечательное собрание открывается при необычайных и, смею сказать, небывалых в истории обстоятельствах. Позвольте спросить, вы не заметили ничего особенного во время поездки из города?

– Все, что я заметил, – с кислой улыбкой сказал Саммерли, – это что наш юный друг за истекшие годы не излечился от своих дурных привычек. Я с прискорбием должен прине-

сти серьезную жалобу на его поведение в поезде, и вы могли бы обвинить меня в неискренности, если бы я скрыл от вас, что оно произвело на меня крайне неприятное впечатление.

– Ничего, с кем не бывало, – вмешался лорд Джон. – Молодой человек делал это не со зла. Ему ведь случалось играть в нашей сборной команде, так что если он и позволил себе полчаса описывать футбольный матч, то он имеет на это больше права, чем кто другой.

– Полчаса описывать матч? – закричал я в негодовании. – Ничего подобного! Вот вы действительно убили добрых полчаса на какую-то скучнейшую историю с буйволом. Профессор Саммерли может засвидетельствовать.

– Затрудняюсь рассудить, кто из вас двоих был надоедливей, – сказал Саммерли. – Заявляю вам, Челленджер, что я до конца жизни не желаю больше слушать ни про буйволов, ни про футбол.

– Но я сегодня не сказал ни слова о футболе, – попробовал я возразить.

Лорд Джон пронзительно свистнул, а Саммерли сокрушенно покачал головой.

– И это с самого утра, – проговорил он. – Что может быть плачевней? Я сидел в печальном, задумчивом молчании и...

– В молчании?! – возопил лорд Джон. – Да вы же всю дорогу угощали нас эстрадным концертом, изображая скотный двор. Не человек, а взбесившийся граммофон!

Саммерли выпрямился в горькой обиде.

– Вам угодно шутить, лорд Джон! – Лицо его стало кислым, как уксус.

– Фу, пропасть! Чистое безумие! – закричал лорд Джон. – Каждый из нас как будто знает, что делали другие, но никто не помнит, что делал сам. Давайте восстановим все, как было, с самого начала. Мы сели в вагон первого класса для курящих – не так ли? Это точно. Потом мы стали спорить о письме нашего друга Челленджера в «Таймсе».

– Ага, вы спорили! – прогремел бас нашего хозяина, и глаза его сузились.

– Вы сказали, Саммерли, что письмо не содержит в себе и намека на истину.

– Вот как! – Челленджер выпятил грудь и погладил бороду. – Ни намека на истину? Мне и раньше случалось слышать эти слова! Могу ли я спросить, какими доводами великий, именитый профессор Саммерли пытался раздавить жалкого невежду, дерзнувшего высказаться по вопросу о научном предвидении? Может быть, прежде чем уничтожить злополучного простака, профессор соизволит привести какие-либо доказательства в пользу противоположных взглядов, выдвинутых им самим?

Произнося эту речь, Челленджер со слоновым сарказмом кланялся, дергая плечом, разводил руками.

– Доказательство очень простое, – ответил упрямец Саммерли. – Если окружающий землю эфир, утверждал я, так ядовит, что на иных широтах оказывает губительное влияние, то представляется несообразным, почему же мы трое, сидя в вагоне, не испытываем на себе его действия.

Это объяснение вызвало у Челленджера только шумный взрыв веселья. Он так расхохотался, что в комнате все задрожало и задрезбужало.

– Наш почтенный Саммерли обнаруживает – и не в первый раз – полную неосведомленность о действительном положении вещей, – сказал он наконец, отирая взмокший лоб. – Теперь, джентльмены, я вместо всяких доказательств изложу вам лучше, как сам я вел себя в это утро. Вы отнесетесь снисходительней к отклонению от нормы в вашей собственной умственной деятельности, если узнаете, что даже у меня были минуты, когда я терял равновесие. У нас в доме много лет служит экономка, зовут ее Сара, а ее фамилией я никогда не пытался обременять свою память. С виду она суровая и неприступная женщина, строгого и скромного поведения; бесстрастная по природе, она, насколько нам известно, ни разу не проявила признаков каких-либо душевных движений. Когда я сидел один за первым завтраком – миссис Челленджер обычно пьет утренний кофе у себя в спальне, – мне вдруг при-

шло на ум, что забавно и поучительно было бы проверить, существует ли предел невозмутимости нашей Сары. Я придумал простой, но убедительный опыт. Опрокинув на скатерть стоявшую посреди стола вазу с цветами, я позвонил, а сам залез под стол. Экономка вошла и, никого не увидев в комнате, решила, что я удалился в кабинет. Как я и ожидал, она подошла и нагнулась над столом, чтобы поставить вазу на место. Я узрел бумажный чулок и башмак на резинках. Высунув голову, я впился зубами экономке в лодыжку. Успех опыта превзошел все ожидания. Две-три секунды женщина стояла, как в оцепенении, уставив взгляд на мое темя. Потом взвизгнула, вырвалась и опрометью побежала вон из комнаты. Я кинулся за ней, рассчитывая как-то объясниться, но она уже мчалась к воротам, и потом я несколько минут мог наблюдать в полевой бинокль, как она чрезвычайно быстро удалялась в юго-западном направлении. Оцените сами этот забавный случай. Я бросаю семя в ваши мозги и жду, какие всходы оно даст. Уразумели? Он не возбудил у вас никаких мыслей? Ваше мнение, лорд Джон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.